Майков
Революционеры и черносотенцы
...
Спб., 1907.

НИЛ — Библиотека
ГЖ с135
М 148

ГЭЖ 135
М148

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ

— и —

ЧЕРНОСОТЕНЦЫ.

А. А. Майковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная типографія, Подольская, 34.
1907.

ГЖ135
М 148

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ И ЧЕРНОСОТЕНЦЫ.

А. А. Майковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная типографія. Подольская, 34.
1907.

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
К.
1984
ДЖ135р
М148
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№396 1926
БИБЛИОТЕКА
58382

Революціонеры и черносотенцы.

Много говорится у насъ о революціи, о революціонномъ движеніи, но едва ли будетъ слишкомъ смѣло сказать, что даже тѣ, которые становятся въ ряды революціи, или тѣ, которые съ нею борятся, не всегда имѣютъ вполнѣ ясное представленіе о сущности революціонныхъ цѣлей и о сущности революціонныхъ ученій.

Долгое время сочиненія, излагающія ученія, ради осуществленія которыхъ многіе шли въ ряды революціи, были мало доступны, составляли привилегію подпольной литературы, передавались большинству лишь обрывками и брались имъ на вѣру, почти не подвергаясь разсудительному обсужденію, критическому анализу. Въ настоящее время революціонная литература имѣетъ болѣе широкое и свободное распространеніе; но сочиненія революціоннаго направленія большею частью страдаютъ туманностью изложенія, испещрены научными иностранными выраженіями и потому для людей не знающихъ иностранныхъ языковъ часто трудно понимаемы; мы считаемъ не лишнимъ въ наиболѣе краткой и доступной формѣ изложить сущность революціоннаго ученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ революціоннаго движенія должны лежать какія-нибудь мысли, идеи, способныя увлекать людей, создавать послѣдователей, отдающихся искренно, по убѣжденію, безъ всякихъ личныхъ выгодъ, служенію этимъ идеямъ.

Сочиненіемъ, наиболѣе ярко и полно выражающимъ идеи революціи, слѣдуетъ признать „Рѣчи бунтовщика“ Крапоткина. П. А. Крапоткинъ, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ революціонеровъ, и едва ли не одинъ изъ главныхъ руководителей современнаго революціоннаго движенія. Во всякомъ случаѣ, излагаемый имъ планъ ре-

волюціонныхъ дѣйствій, пріемовъ борьбы, есть именно тотъ планъ, осуществленія котораго мы являемся свидѣтелями въ наши дни. Крапоткинъ намъ представляется человѣкомъ глубоко убѣжденнымъ въ истинности своей проповѣди и вѣрящимъ въ спасительность для всего человѣчества своего ученія. Въ изложеніи своихъ мыслей онъ проявляетъ большую талантливость и увлекательность, нерѣдко, однако, заставляющую читателя не замѣчать недостатковъ изложенія, заключающихся главнымъ образомъ въ частомъ отсутствіи послѣдовательности въ ходѣ развитія мысли и особенно въ большой туманности и неясности въ изложеніи плана примѣненія къ жизни его ученія. Попытаемся же насколько возможно кратко очеркнуть міровоззрѣніе Крапоткина, его взглядъ на современное политическое положеніе Европы, его политическую теорію и предлагаемыя имъ средства къ ея осуществленію.

Ученіе, проповѣдуемое Крапоткинымъ, называется имъ „соціальной революціей“ и должно заключиться установленіемъ среди всего человѣчества полной анархіи. По своему характеру оно скорѣе могло бы быть отнесено къ ученіямъ философскимъ, т. е. къ области отвлеченной мысли и заключаетъ выраженіе самостоятельнаго воззрѣнія философа на міръ и на проповѣдь объ устройствѣ человѣческой жизни на основаніи воззрѣній философа. Ученіе о „соціальной революціи“ отличается, однако, отъ тысячъ другихъ философскихъ ученій тѣмъ, что доселѣ философы считали единственнымъ путемъ распространенія и торжества своего ученія проповѣдь и убѣжденіе, а проповѣдники „соціальной революціи“ стремятся достигнуть торжества своихъ убѣжденій путемъ насилія.

Врядъ ли существовало ученіе болѣе увѣренное въ себѣ, такъ смѣло и рѣшительно проповѣдывавшее измѣненіе всѣхъ условій человѣческой жизни, отрицающее всѣ начала, которыми жило человѣчество до сего времени, какъ ученіе о соціальной революціи. Иногда кажется, что вотъ, вотъ, и изъ устъ проповѣдника польется изложеніе плана измѣненія устройства всей вселенной. Ученіе „Соціальной Революціи“, какъ философское, мо-

жетъ быть отнесено къ разряду ученій гуманитарнаго направленія, т. е. основанныхъ на началахъ человѣколюбія. Философы этого направленія содрагаются передъ картиной міровой жизни, при видѣ страданій человѣчества: чуткое сердце философа возмущается при видѣ больного, голоднаго, угнетаемаго.

„Милліонами исчисляется сейчасъ количество рабо„чихъ, остающихся безъ работы; десятки тысячъ ходятъ „изъ города въ городъ, прося подаянія или требуя съ „угрозами работы или хлѣба. Какъ въ 1787 году кресть„яне бродили по дорогамъ Франціи, не находя въ этой „плодородной странѣ клочка земли для обработки, такъ „теперь рабочіе остаются съ пустыми руками, не находя „матеріаловъ и орудій, необходимыхъ для производства „и захваченныхъ горстью бездѣльниковъ. Богатые про„мысла внезапно гибнутъ; большіе города, какъ Шеф„фильдъ, становятся безлюдными. Нищета въ Англіи, „гдѣ „экономисты“ такъ старательно примѣняли свои „принципы, нищета въ Эльзасѣ: голодъ въ Италіи, го„лодъ въ Испаніи; безработица повсюду, а съ безрабо„тицей нужда, вѣрнѣе нищета; посинѣлыя дѣти, жен„щины, состарившіяся къ концу зимы на пять лѣтъ, „болѣзни, косящія цѣлые ряды рабочихъ“.

„При тускломъ освѣщеніи коптящей лампы, зады„хаясь отъ спертаго воздуха и вони, подымаетесь вы „въ пятый этажъ по грязной, скользкой лѣстницѣ. Вы „входите въ темную, холодную комнату, гдѣ въ углу, „на кучѣ грязныхъ тряпокъ, лежитъ больная, покрытая „какими-то лохмотьями. Блѣдныя, исхудалыя дѣти, дрожа „отъ холода, вопросительно смотрятъ на васъ широко „открытыми глазами. Всю жизнь мужъ работалъ по двѣ„надцати, тринадцати часовъ въ сутки, какъ бы ни былъ „тяжелъ его трудъ: теперь, вотъ уже три мѣсяца, какъ „онъ не находитъ работы. Безработица бывала и прежде: „она повторяется періодически каждый годъ. Но тогда „жена ходила работать поденно... быть можетъ стирать „ваши рубашки, по полтиннику въ день.

„Но вотъ уже три мѣсяца, какъ она не встаетъ съ постели, и ужасающій призракъ нищеты и голода стали передъ „семьей“.

„Намъ предстоитъ положить конецъ эксплоатаціи человѣка, уничтожить неравенство, пороки и преступленія“. Восклицаетъ возмущенная душа философа.

Философъ ищетъ причинъ этихъ страданій и старается указать средства ихъ уничтожить. Всѣ философскія школы, имѣя одинъ общій источникъ — любовь къ человѣчеству, — расходятся въ опредѣленіи причинъ страданій человѣчества, равно и въ изысканіи средствъ борьбы съ ними. По своему міровоззрѣнію Кропоткинъ принадлежитъ къ школѣ французскаго философа Руссо. Во взглядахъ на жизнь человѣчества эта школа имѣетъ основаніемъ ученіе, что по природѣ своей человѣкъ существо совершенное, склонное только къ добру, какъ бы ангелоподобное, и что если на землѣ столько зла, столько преступленій, ненависти, пороковъ, несправедливости, то происходитъ это отъ тѣхъ условій, отъ той окружающей обстановки, въ которой живутъ люди. Философы этой школы считаютъ, что достаточно уничтожить эту обстановку, какъ все злое исчезнетъ, пропадетъ само собой и на землѣ настанетъ миръ, тишина и благодать; что для достиженія счастья надлежитъ уничтожить всѣ основы, на которыхъ сложилась жизнь человѣчества, и прежде всего Вѣру въ Бога, разрушить всѣ государства, упразднить всякую власть, всѣ законы, какъ гражданскіе, такъ и нравственные, упразднить всякую собственность, искоренить семью и вообще семейное начало, уничтожить чувство стыда и совѣсти. Тогда только, по ихъ ученію, человѣкъ станетъ дѣйствительно свободнымъ, и на землѣ настанетъ царство добра и справедливости. Это разрушеніе они называютъ освобожденіемъ человѣчества и пишутъ на своемъ знамени, имѣютъ своимъ девизомъ, слово „свобода“.

Наиболѣе близкими послѣдователями Руссо у насъ въ Россіи были „нигилисты“, что по русски можно перевести „все отрицающіе“. Нигилисты распространяли свое ученіе убѣжденіемъ въ печати, въ литературѣ, въ школѣ, всюду, гдѣ только могли, и особенно сильно дѣйствовали у насъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Они старались подорвать вѣру въ Бога, все-

лить ненависть къ Царю и вообще ко всякой власти, старались внести раздоръ въ семьи и разрушать ихъ.

Въ настоящее время къ этому направленію наиболѣе близко подходятъ соціалъ - анархисты, стремящіеся осуществить свое ученіе уже насильственнымъ путемъ „соціальной революціи“. Какъ мы сказали выше, мы остановились на книгѣ Крапоткина, какъ наиболѣе талантливо и ясно выражающей это ученіе, его цѣли и средства достигнуть ихъ.

Крапоткинъ, разсматривая современное положеніе европейской жизни, находитъ, что каждый народъ раздѣляется на двѣ части. На пролетаріатъ, т. е. трудящихся людей и на капиталистовъ, злодѣевъ, эксплоататоровъ, угнетающихъ пролетаріатъ. По его представленію, это какъ бы двѣ особыя породы людей, находящіяся въ постоянной ожесточенной борьбѣ между собой, и въ этой борьбѣ будто-бы заключается вся сущность жизни. Побѣда пролетаріата надъ капиталистами должна осчастливить человѣчество; по ученію анархистовъ весь существующій строй жизни всего человѣчества созданъ капиталистами для того, чтобы угнетать пролетаріатъ. Главными врагами пролетаріата Крапоткинъ считаетъ государство, съ какимъ бы то ни было образомъ правленія, всякую власть, въ чьихъ бы рукахъ она не находилась, всякую собственность, какъ бы мала она не была; для торжества пролетаріата необходимо искоренить въ человѣчествѣ вѣру въ Бога, искоренить чувство народности и любви къ родинѣ, упразднить всѣ законы и суды; особенность этого ученія заключается въ взглядѣ на власть, въ какой бы формѣ она не проявлялась, почему послѣдователи „соціальной революціи“ называются анархистами.

Слово „анархія“ по переводѣ на русскій языкъ значитъ „безвластіе“ и послѣдователи анархіи, анархисты, отрицая всякую власть, возстаютъ противъ всякаго правительства, считая всѣ правительства существующими лишь только для того, чтобы угнетать пролетаріатъ. Крапоткинъ доказываетъ это положеніе подробнымъ разборомъ существующихъ въ Европѣ правительствъ, кромѣ, впрочемъ, русскаго. Вѣроятно это про-

исходитъ отъ того, что совершивъ въ молодости преступленіе, онъ бѣжалъ за границу и проживъ всю жизнь въ Швейцаріи, Франціи и Англіи, оторвавшись отъ русской жизни, онъ мало ее знаетъ. Разсматривая всѣ Европейскія правительства, основанныя на началахъ народнаго представительства, парламентаризма, Кропоткинъ считаетъ ихъ господствомъ капиталистическаго режима, господствомъ буржуазіи. Онъ считаетъ, что при парламентаризмѣ власть находится въ рукахъ буржуазіи, т. е. владѣющаго капиталами класса людей, которые издаютъ законы, управляютъ страной, соблюдая лишь свои выгоды; вотъ что говоритъ Крапоткинъ о представительномъ правительствѣ:

„Представительному правительству присущи всѣ „недостатки правительства. Оно не только не умѣетъ „ихъ сгладить, но даже создаетъ новые. Знаменитые „слова Руссо о правительствѣ вообще примѣнимы къ „нему, какъ нельзя лучше. „Чтобъ можно было пере„дать свои права выборному собранію“, говоритъ онъ, „оно должно состоять изъ ангеловъ. Да и у нихъ вы„растутъ рога и когти, какъ только они примутся за „управленіе людьми „этимъ стадомъ скотовъ“.

„Представительное правительство, — называется-ли „оно парламентомъ, конвентомъ, совѣтомъ, коммуною или „какимъ-нибудь другимъ нелѣпымъ именемъ, назначено„ли оно префектами Бонапарта или архи-свободно изб„рано населеніемъ возставшаго города, — всегда стре„мится подобно деспотамъ расширить свои права, вмѣши„ваясь во всѣ проявленія жизни, замѣняя законами сво„бодную иниціативу отдѣльныхъ лицъ и группъ. Оно „забираетъ въ свои когти человѣка съ самаго дѣтства и „ведетъ его до могилы отъ закона къ закону, отъ угрозы „къ наказанію, никогда не выпуская его изъ подъ своей „опеки. Приходилось-ли вамъ слышать, чтобы выборное „правительство объявило себя некомпетентнымъ по ка„кому-либо вопросу“?

„Но когда капиталистамъ угрожаетъ хоть малѣйшая „опасность со стороны возставшаго народа, тогда пред„ставительное правительство, этотъ органъ господства „капитала, съумѣетъ показать свою силу. Оно избиваетъ „возставшихъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такой же„стокостью и подлостью, на которыя не способенъ ни

„одинъ деспотъ. Законъ противъ соціалистовъ въ Гер-
„маніи не уступаетъ нантскому эдикту; ни Екатерина II
„послѣ Пугачевскаго бунта, ни Людовикъ XVI послѣ
„мучной войны, не проявляли той жестокости, съ кото-
„рой національныя собранія 1848 и 1871 года обру-
„шились на беззащитную толпу. „Убивайте этихъ вол-
„ковъ, волчицъ и волчатъ!“ — кричали члены этихъ
„собраній и поздравляли, опьяненныхъ кровью, солдатъ
„съ ихъ блестящей побѣдой“.

„Безымянный звѣрь о 600 головахъ превзошелъ Лю-
„довика XI и Іоанна Грознаго“.

„Представительное правительство, въ частности, орга-
„низовало защиту промышленной и коммерческой буржу-
„азіи отъ аристократіи, съ одной стороны, и эксплоати-
„руемаго народа съ другой; изысканно вѣжливое и за-
„искивающее передъ аристократами, оно поражаетъ своей
„жестокостью по отношенію къ пролетаріямъ. Вотъ по-
„чему самый пустяшный законъ, охраняющій трудъ, дол-
„женъ быть вырванъ у парламента путемъ упорныхъ воз-
„станій. Вспомните, цѣной какой борьбы, какихъ усилій
„удалось добиться отъ англійскихъ парламентовъ, швей-
„царскаго федеративнаго совѣта и французскихъ палатъ
„нѣсколькихъ жалкихъ законовъ объ ограниченіи рабо-
„чаго дня“.

„Немыслимо здѣсь разобрать всѣ недостатки пред-
„ставительнаго правительства. Для этого надо было бы
„написать цѣлые томы. Ограничимся разсмотрѣніемъ
„только самыхъ существенныхъ недостатковъ. Одинъ
„изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія“.

„Удивительное дѣло! Представительное правитель-
„ство имѣло цѣлью положить конецъ единоличному пра-
„вленію; оно должно было передать власть въ руки цѣ-
„лаго класса, а между тѣмъ мы видимъ, что оно стре-
„мится подчиниться одному лицу.

„Причина этой аномаліи ясна. Въ наше время пра-
„вительство вооружено тысячами и тысячами полномочій;
„ему вручены всѣ дѣла страны и данъ бюджетъ въ нѣ-
„сколько милліардовъ. Можетъ-ли безпорядочное парла-
„ментское собраніе взять на себя веденіе всѣхъ этихъ
„неисчислимыхъ дѣлъ? Пришлось назначить исполнитель-

„ную власть, — министерство, — которое облечено всѣми „атрибутами королевской власти. Какъ ничтожна, въ са„момъ дѣлѣ, власть Людовика XIV, дерзнувшаго ска„зать:—„государство — это я“, — по сравненію съ властью „конституціоннаго министерства нашихъ дней!

„Но не способствуетъ-ли представительное прави„тельство, этотъ источникъ столькихъ несчастій, мирному „и прогрессивному развитію общества? Содѣйствуетъ ли „оно децентрализаціи власти, препятствуетъ ли возникно„венію войнъ? Способно-ли оно понять потребности вре„мени и пожертвовать устарѣлыми институтами, чтобы „избѣгнуть гражданской войны? Обезпечиваетъ-ли оно „прогрессъ внутри страны?

„Какой горькой ироніей дышатъ эти вопросы! Исто„рія нашего времени убѣждаетъ насъ, что представитель„ное правительство не идетъ навстрѣчу ни одной изъ „этихъ потребностей.

„Парламенты, вѣрные традиціямъ королевской власти „и ея видоизмѣненію — якобинству, сконцентрировали „власть въ рукахъ правительства. Крайній бюрокра„тизмъ — характеристика представительнаго правитель„ства. Съ начала вѣка идутъ разговоры о децентрали„заціи, автономіи, а правительство усиливаетъ центра„лизацію, уничтожаетъ всякіе признаки автономіи. Швей„царія уже подверглась этому вліянію, Англія готова ему „подчиниться. Если бы не сопротивленія промышлен„никовъ и коммерсантовъ, мы теперь испрашивали бы у „Парижа разрѣшенія зарѣзать быка въ отдаленной де„ревнѣ Франціи. Правительство понемногу подчиняетъ „своей власти всѣ проявленія государственной жизни; „ему не удается только захватить въ свои руки веденіе „промышленности, торговли, производства и потребле„нія. Но соціалъ-демократы, ослѣпленные правитель„ственными предразсудками, мечтаютъ о днѣ, когда они „будутъ въ берлинскомъ перламентѣ завѣдывать органи„заціей производства и потребленія для всей Германіи.

„Спасаетъ-ли насъ это, якобы миролюбивое, прави„тельство отъ разрушительныхъ войнъ? Конечно, нѣтъ! „Никогда не истребляли другъ друга съ такой яростью, „какъ при представительномъ режимѣ. Буржуазія ищетъ „преобладанія на рынкахъ, а его можно завоевать лишь „гранатами и картечью. Адвокаты и журналисты жаждутъ

„военной славы и съ этой цѣлью изощряются въ красно-
„рѣчіи, ведутъ дипломатическіе споры, которые большею
„частью кончаются кровопролитіемъ".

„Идетъ-ли парламентъ навстрѣчу требованіямъ вре-
„мени? Упраздняетъ-ли онъ институты, пришедшіе въ
„упадокъ? Какъ у членовъ конвента приходилось съ ору-
„жіемъ въ рукахъ вырывать признаніе уже совершив-
„шихся фактовъ, такъ теперь только упорнымъ возста-
„ніемъ можно добиться отъ „представителей народа"
„малѣйшей реформы".

„Что касается усовершенствованій самаго предста-
„вительнаго режима, то никакое обновленіе не вдохнетъ
„въ него жизнь. Онъ пришелъ въ упадокъ и теперь
„близокъ къ смерти. Во времена Людовика-Филиппа
„уже говорили о разложеніи парламента. Теперь, это
„смрадное болото вызываетъ отвращеніе у всѣхъ близко
„стоящихъ къ нему".

„Но, можетъ быть, новый элементъ, элементъ рабо-
„чихъ, вольетъ въ него струю свѣжей крови. Приглядимся
„къ представительнымъ собраніямъ, прослѣдимъ
„за ихъ дѣятельностью и мы поймемъ, что мечтать объ
„ихъ обновленіи такъ же наивно, какъ сочетать бра-
„комъ короля съ крестьянкой въ надеждѣ получить но-
„вое здоровое поколѣніе молодыхъ королей!"

„Недостатки представительныхъ собраній покажутся
„намъ вполнѣ естественными, если мы вспомнимъ, какъ
„набираются ихъ члены и приглядимся къ ихъ дѣятель-
„ности. Не стану воспроизводить ужасной и омерзи-
„тельной картины выборовъ. Въ буржуазной Англіи и
„демократической Швейцаріи, во Франціи и Соединен-
„ныхъ Штатахъ, въ Германіи и Аргентинской респу-
„бликѣ — вездѣ повторяется одна и та же гнусная ко-
„медія. Не стану разсказывать, какъ агенты и избира-
„тельные комитеты проводятъ своихъ кандидатовъ, какъ
„они раздаютъ направо и налѣво обѣщанія, въ собра-
„ніяхъ сулятъ политическія реформы, частнымъ ли-
„цамъ—мѣста и деньги; какъ они проникаютъ въ семьи
„избирателей, и тамъ льстятъ матери, хвалятъ ребенка,
„ласкаютъ собачку, страдающую астмой, или любимаго
„котенка. Какъ они разсыпаются по ресторанамъ, заво-

„дятъ между собой вымышленные споры, завязываютъ „съ избирателями разговоры, стараясь поймать ихъ на „словѣ, подобно шулерамъ, стремящимся завлечь васъ „въ азартную игру. Какъ послѣ всѣхъ этихъ махина„цій кандидатъ заставляетъ себя просить и, наконецъ, „появляется среди „дорогихъ избирателей“ съ благо„склонной улыбкой на губахъ, со скромнымъ взоромъ и „вкрадчивымъ голосомъ,—совсѣмъ какъ старая мегера, „старающаяся поймать жильца ласковой улыбкой и ан„гельскими взглядами“.

„Не стану перечислять лживыхъ программъ—одина„ково лживыхъ,—будь онѣ оппортунистическими или со„ціалъ-революціонными, программъ, которымъ не вѣритъ „ни одинъ изъ кандидатовъ, защищающихъ ихъ съ жаромъ, „съ дрожью въ голосѣ, паѳосомъ, достойнымъ сумасшед„шаго или ярмарочнаго актера. Не даромъ народъ въ „своихъ комедіяхъ сталъ теперь изображать наряду съ „мошенниками, Тартюфами и банковскими плутами— „народныхъ представителей, бѣгающихъ за избирателями „и выманивающихъ у нихъ голоса“.

Не стану приводить здѣсь смѣты расходовъ по выбо„рамъ; газеты насъ достаточно хорошо знакомятъ съ „этимъ вопросомъ. Не стану воспроизводить списковъ „расходовъ избирательныхъ агентовъ, въ которые зане„сены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разныя „сладости, купленныя кандидатомъ для „дорогихъ дѣтей“ „избирателей. Не стану упоминать о расходахъ на моче„ныя яблоки и тухлыя яйца, предназначенныя „для „смущенія противника“, которые отягощаютъ бюджетъ „Соединенныхъ Штатовъ, такъ же какъ и о расходахъ „на разныя объявленія и „маневры въ послѣдній часъ „передъ выборами“, которые играютъ такую видную „роль при выборахъ во всѣхъ государствахъ Европы.

А когда выступаетъ правительство съ своими „мѣс„тами“, сотней „мѣстъ“, предлагаемыхъ тому, кто боль„ше за нихъ заплатитъ, съ своими орденами, съ своей „протекціей, обѣщанной въ мѣстахъ азартной игры и „разврата, съ своей постыдной прессой, съ своими шпіо„нами, съ мошенниками, судьями и агентами...

Но довольно, оставимъ эту грязь! Есть ли хоть одна „страсть, самая низкая, самая гнусная, которая не „появилась бы на сцену въ день выборовъ? Обманъ,

„клевета, лицемѣріе, ложь, самыя низкія проявленія „человѣка—звѣря—вотъ картина страны во время выбо„ровъ".

Но, что требуется теперь отъ избирателей?

Десять, двадцать тысячъ человѣкъ, которые не „знаютъ другъ друга, никогда не встрѣчались, не имѣли „общаго дѣла, должны выбрать одного представителя. „Ему они поручатъ не изложеніе опредѣленнаго дѣла „или защиту данной революціи: онъ долженъ будетъ знать „все, рѣшать всевозможные вопросы, и его рѣшеніе бу„детъ закономъ.

„Такого всевѣдущаго человѣка не найти. Но вотъ „способный, здравомыслящій, честный гражданинъ, полу„чившій нѣкоторое образованіе. Будетъ ли онъ избранъ? „Конечно, нѣтъ! Едва двадцать человѣкъ, товарищей по „училищу знаютъ его и цѣнятъ его способности. Онъ „никогда не прибѣгалъ къ рекламѣ, презираетъ всѣ пріемы „легкаго успѣха, не стремится стать популярнымъ среди „избирателей. При такихъ условіяхъ онъ не получитъ „больше 200 голосовъ; да кандидатура его и не будетъ „выставлена. Въ число депутатовъ попадетъ какой-нибудь „адвокатъ или журналистъ, краснобай или писака, кото„рые перенесутъ въ парламентъ нравы трибуны и газеты, „и будутъ увеличивать избирательное стадо министерства „или оппозиціи. Можетъ быть, проскочитъ какой-нибудь „негоціантъ, жаждущій получить званіе депутата, гото„вый издержать хоть 10.000 франковъ, чтобъ пріобрѣсти „нѣкоторую извѣстность. А тамъ гдѣ, нравы по преиму„ществу демократическіе, какъ, напр., въ Соединенныхъ „Штатахъ, гдѣ комитеты легко учреждаются и до нѣ„которой степени ослабляютъ вліяніе капитала,—тамъ „въ депутаты изберутъ худшаго изъ всѣхъ: это будетъ „человѣкъ, занимающійся политикой по профессіи, гну„сное существо, ставшее язвой великой республики, шар„латанъ, который смотритъ на политику, какъ на промыш„ленность, и примѣняетъ къ ней всѣ ухищренія крупной „промышленности,—рекламу, обманъ и развратъ".

„Провести свое предложеніе!“ Но кто будетъ его „обсуждать и своимъ голосомъ колебать парламентскіе „вѣсы? Кто будетъ составлять и проваливать министерства, „даровать странѣ политику реакціи или внѣшнихъ аван„тюръ, выбирать между министерствомъ и оппозиціей?

Тѣ, которыхъ такъ мѣтко прозвали „болотными „жабами!“ Тѣ, у которыхъ нѣтъ никакихъ убѣжденій, „которые всегда садятся между двухъ стульевъ и виляютъ „между двумя основными партіями палаты.

Именно эта группа людей, человѣкъ пятьдесятъ, ни„чтожныхъ и безвольныхъ, лавирующихъ между либера„лами и консерваторами, подкупленныхъ обѣщаніями, „мѣстами, лестью и паникой,—и рѣшаетъ всѣ дѣла страны. „Она издаетъ законы, составляетъ министерство и измѣ„няетъ направленіе политики.—Страна управляется груп„пой въ пятьдесятъ человѣкъ, самыхъ ничтожныхъ и „жалкихъ; — вотъ къ чему сводится парламентскій „режимъ.

„И это неизбѣжно, каковъ бы ни былъ составъ „парламента. Сколько бы въ немъ ни было звѣздъ пер„вой величины и честныхъ людей—послѣднее слово бу„детъ принадлежать „болотнымъ жабамъ“. Ничто не мо„жетъ быть измѣнено, пока будетъ въ силѣ принципъ „подчиненія меньшинства большинству“.

„Не менѣе рѣзко высказывается Крапоткинъ и про„тивъ государственнаго соціализма:

„Нѣмецкіе соціалисты говорятъ, что всѣ накоплен„ныя богатства должны быть сосредоточены въ рукахъ „государства, которое предоставитъ ихъ рабочимъ ас„соціаціямъ, организуетъ производство и обмѣнъ и бу„детъ слѣдить за жизнью и работой общества.

„На это болѣе опытные соціалисты латинской расы „имъ возражаютъ, что подобное государство,—если бы „даже оно могло существовать,—было бы самой ужас„ной изъ тираній“.

Проповѣдуя революцію, т. е. низверженіе всякаго правительства, будь оно монархическое, конституціонное, республиканское, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, соціалъ-анархисты отрицаютъ и революціонное правительство:

„Революціонное правительство!“ Какъ странно зву„чатъ эти два слова для тѣхъ, которые понимаютъ,

„чѣмъ должна быть соціальная революція и что такое „правительство? Эти два слова противорѣчатъ другъ „другу, взаимно уничтожаются. Мы знаемъ, что изъ „себя представляетъ деспотическое правительство;— „стоять за реакцію противъ революціи, стремиться къ „деспотизму—вотъ сущность всякаго правительства; но „никто никогда не видѣлъ революціоннаго правитель- „ства. Революція—это синонимъ „безпорядка", низвер- „женія въ нѣсколько часовъ вѣковыхъ институтовъ, на- „сильственнаго разрушенія установившихся формъ соб- „ственности, уничтоженія кастъ, внезапнаго перерожде- „нія взглядовъ на нравственность, вѣрнѣе на заступа- „ющее ея мѣсто лицемѣріе, синонимъ личной свободы „и свободы дѣйствій,—словомъ отрицаніе правитель- „ства, этого синонима „порядка", консерватизма, сохра- „ненія существующаго институтовъ, отрицанія частной „иниціативы и свободы дѣйствій. И, тѣмъ не менѣе, „намъ безпрестанно говорятъ объ этомъ „бѣломъ дро- „здѣ", какъ будто бы „революціонное правительство"— „самая обыденная вещь на свѣтѣ, столь же знакомая „всѣмъ и каждому, какъ королевство, имперія или „папство.

„Революціонеры изъ буржуазіи должны проповѣды- „вать эту идею; оно вполнѣ понятно. Мы знаемъ, что „они называютъ революціей. Это подштукатуриваніе „буржуазной республики; это захватъ, такъ называемыми, „республиканцами, доходныхъ должностей, сосредоточен- „ныхъ сейчасъ въ рукахъ бонапартистовъ и роялистовъ; „это разрывъ брака между Церковью и Государствомъ, „замѣненный ихъ конкубинатомъ; это секвестрація цер- „ковныхъ имуществъ въ пользу Государства, вѣрнѣе, „въ пользу управляющихъ этими имуществами; быть „можетъ, это референдумъ, или что-либо въ этомъ ро- „дѣ... Но что революціонеры соціалисты стали апосто- „лами этой идеи—абсолютно непонятно, если не допус- „тить слѣдующихъ двухъ предположеній. Или ея защит- „ники такъ заражены буржуазными предразсудками, ко- „торые они почерпнули, можетъ быть, даже безсозна- „тельно, въ литературѣ и, главнымъ образомъ, въ исто- „ріи, сфабрикованной спеціально для буржуазіи самими „буржуа, такъ проникнуты духомъ рабства, этимъ пло- „домъ долгихъ вѣковъ крѣпостничества, что они не

„способны даже представить себѣ, что могутъ быть „свободными. Или же приверженцы этой идеи вовсе „не хотятъ той Революціи, о которой они безпрестан„но говорятъ: они удовлетворятся нѣкоторымъ преобра„зованіемъ существующихъ институтовъ, лишь бы это „обезпечило имъ власть. Они борются съ правитель„ствомъ исключительно для того, чтобъ какъ можно „скорѣе занять его мѣсто».

Примѣромъ, подтверждающимъ сказанное Крапоткинымъ, приводитъ образованіе въ Парижѣ, въ 1871 г., во время войны съ Германіей, коммуны, когда революціонеры, пользуясь тѣмъ, что войска заняты были защитой города, осаждаемаго непріятелемъ, овладѣли Парижемъ и образовали въ немъ свое правительство:

„Никогда выборы не были такъ свободны, какъ въ „мартѣ 1871 года. Даже враги коммуны признали это. „Никогда избиратели не были такъ проникнуты жела„ніемъ поставить у кормила правленія лучшихъ людей, „людей будущаго, революціонеровъ. Такъ они и сдѣлали. „Всѣ извѣстные революціонеры были избраны подав„ляющимъ большинствомъ; якобинцы, бланкисты, ин„тернаціоналисты, всѣ три революціонныя фракціи имѣ„ли своихъ представителей въ Совѣтѣ Коммуны. Выбо„ры не могли дать лучшаго правительства.

„Мы знаемъ, каковы были результаты. Запертые „въ Городской Думѣ, обязанные дѣйствовать, придер„живаясь формъ установленныхъ предшествующими пра„вительствами, эти ярые революціонеры, эти реформа„торы потеряли способность что-либо создать. Несмотря „на ихъ страстное желаніе, на ихъ храбрость они не „сумѣли организовать даже защиту Парижа».

И такъ, призывая народъ уничтожить все, что человѣчество создавало въ теченіе многихъ десятковъ вѣковъ, разрушить всѣ выработанныя человѣчествомъ условія жизни, все что создано имъ въ области мысли, понятій, науки, чѣмъ же соціалъ-анархисты предлагаютъ замѣнить разрушенное, какія предлагаютъ они формы жизни, какъ они представляютъ себѣ жизнь въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось достигнуть всеобщаго разрушенія?

Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно. Въ сочиненіяхъ соціалъ-анархистовъ, въ томъ числѣ и въ сочиненіяхъ Крапоткина, этой части, отвѣчающей на предложенный вопросъ, отведено самое незначительное мѣсто, и изложеніе этого вопроса крайне туманно. Получается впечатлѣніе, что вожаки революціи сами невполнѣ ясно представляютъ себѣ проповѣдуемое ими будущее устройство человѣчества. „Мы далеки отъ мысли выработать вполнѣ законченную программу на случай революціи“, пишетъ Крапоткинъ.

Основу своего будущаго устройства соціалъ-анархисты называютъ „анархическій коммунизмъ“. Коммуна — значитъ общество; по ученію с.-ан. все человѣчество должно образовать изъ себя множество небольшихъ общинъ, коммунъ, основанныхъ на началахъ общаго равенства.

Мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній относительно внутренняго устройства этихъ коммунъ, о взаимно-отношеніи ихъ членовъ, объ условіяхъ труда, о способѣ обмѣна продуктовъ этого труда и вообще какихъ-либо указаній о способѣ удовлетворенія жизненныхъ потребностей коммунаровъ, хотя о коммунахъ говорится какъ объ опредѣленномъ самостоятельномъ цѣломъ, напр. „коммуна будетъ дѣлать то-то и то-то“, „коммуна будетъ заключать союзы“, „коммуна не признаетъ“... и пр.

Не встрѣчается также указаній на какое-либо управленіе коммунъ, что впрочемъ и понятно, ибо всякое управленіе, всякое устройство общественной жизни должны неизбѣжно заключать въ себѣ зародышъ государственности, а слѣдовательно и власти, т. е. именно того, противъ чего возстаютъ соціалъ-анархисты.

„Коммуна XIX вѣка поставитъ себѣ цѣлью уничто-
„жить соціальное неравенство. Она постарается завла-
„дѣть всѣмъ общественнымъ капиталомъ и предоставитъ
„его тѣмъ, которые будутъ работать надъ улучшеніемъ
„благосостоянія всего общества. Она будетъ стремиться
„сломить силу капитала и предупредить возможность
„возникновенія аристократіи, которая была причиной
„гибели коммунъ среднихъ вѣковъ. Возьметъ ли она въ
„союзники священника и монаха? Будетъ ли она подра-
„жать предкамъ, которые, создавая коммуну, учредили
„государство въ государствѣ и, уничтоживъ власть ко-

„роля, создали въ коммунѣ ту же власть, забывая, что „стѣны города не избавятъ этой власти отъ присущихъ „ей недостатковъ. Будутъ ли пролетаріи нашего вѣка „подражать флоретинцамъ, которые, уничтожая титулы „или сохраняя ихъ, какъ клеймо, не препятствовали „возникновенію новой аристократіи, аристократіи туго „набитаго кошелька? Захотятъ ли они, подобно своимъ „предшественникамъ, возсоздать ту іерархію власти, ко„торую они только что низвергли? Будутъ ли они замѣ„нять однихъ людей другими, не касаясь самихъ учре„жденій.

„Конечно, нѣтъ. Коммуна XIX вѣка не повторитъ „старыхъ ошибокъ. Она будетъ не только *коммунали„стической, но и коммунистической.* Она произведетъ „полный переворотъ какъ въ политикѣ, такъ и въ вопро„сахъ производства и обмѣна. Коммуна будущаго не „будетъ разрушать государства, чтобъ сейчасъ же воз„становить его; она положитъ конецъ представительному „правительству и не передастъ своихъ правъ случайно „избраннымъ".

Точно также мы не находимъ прямого указанія, на какихъ началахъ должно произойти объединеніе людей въ коммуны—на основаніи ли территоріальномъ, т. е. по мѣстностямъ, или по профессіямъ и инымъ объединеніямъ, основаннымъ на общности интересовъ?

Упоминается лишь о томъ, что коммуны будутъ заключать между собой союзы, образующіе федераціи:

„Благодаря безконечному разнообразію нуждъ тор„говли и промышленности, всѣ населенныя мѣста имѣ„ютъ по нѣсколько центровъ; по мѣрѣ развитія потреб„ностей городовъ, они будутъ примыкать еще къ но„вымъ центрамъ, которые будутъ удовлетворять ихъ но„вымъ нуждамъ. Наши потребности такъ разнообразны „и нарождаются съ такой быстротой, что скоро одна „федерація не будетъ въ состояніи ихъ удовлетворить. „Коммуна почувствуетъ необходимость заключать новые „союзы, основывать новыя федераціи. Состоя членомъ „одной группы, завѣдующей доставленіемъ пищевыхъ „продуктовъ, коммуна должна будетъ стать членомъ вто„рой группы для пріобрѣтенія необходимыхъ предметовъ,

„напримѣръ, металловъ, потомъ третьей, четвертой для „пріобрѣтенія матерій и произведеній искусства и т. д. „Возьмите экономическій атласъ какой угодно страны, „и вы увидите, что экономическихъ границъ не суще„ствуетъ: зоны производства и обмѣна различныхъ про„дуктовъ врѣзываются другъ въ друга, переплетаются и „скрещиваются. Точно также федераціи коммунъ, если „бы онѣ слѣдовали своему естественному развитію, стали „бы врѣзываться другъ въ друга, переплетенные и обра„зовали бы сѣть „единую и недѣлимую", несравненно „болѣе компактную, чѣмъ современныя государства.

„Для насъ коммуна уже не территоріальная аггло„мерація; это скорѣе родовое понятіе, синонимъ груп„пировки „равныхъ", не признающей ни границъ, ни „стѣнъ. Соціальная коммуна въ скоромъ будущемъ пе„рестанетъ представлять собою нѣчто цѣлое и вполнѣ „опредѣленное. Каждая группа коммуны будетъ въ силу „необходимости вступать въ сношенія съ тождествен„ными ей группами другихъ коммунъ, заключать съ „ними союзы не менѣе прочные, во всякомъ случаѣ, чѣмъ „союзы согражданъ и образуютъ коммуну, основанную „на общности интересовъ и имѣющую членовъ во всѣхъ „городахъ и деревняхъ".

Уничтоженіе собственности, какъ одного изъ главныхъ золъ, есть одна изъ основъ соціалъ-анархизма. Но и этотъ вопросъ разработанъ только въ смыслѣ экспропріаціи, т. е. отобранія собственности у владѣющихъ, а о дальнѣйшей участи отбираемаго нѣтъ никакихъ указаній; можно предполагать, что отбираемое имущество будетъ достояніемъ коммуны, но и это предположеніе врядъ ли допустимо, какъ нарушающее догматъ соціалъ-анархіи, отвергающей собственность, какъ источникъ зла. Допущеніе общественной собственности нарушило бы принципъ равенства, ибо образовались бы богатыя и бѣдныя общества.

Читателю могутъ показаться слишкомъ скудными свѣдѣнія, приведенныя нами о положительныхъ цѣляхъ, къ которымъ стремятся анархо-революціонеры; въ свое оправданіе на этотъ упрекъ мы можемъ только сказать, что старались добросовѣстно выполнить взятую на себя

задачу и выбрать все, что нашли въ ихъ литературѣ; не наша вина, что матеріалъ этотъ скуденъ.

Туманность преслѣдуемыхъ анархо-соціалистами цѣлей не служитъ, однако, помѣхою къ выработкѣ средствъ и путей, долженствующихъ привести къ достиженію ихъ. Собственно самыя революціонныя дѣйствія распадаются на двѣ части. Первая часть, подготовляющая Соціальную Революцію, и вторая—осуществленіе соціальной революціи. Планъ подготовки соціальной революціи составленъ очень подробно, и въ этомъ отношеніи книга Крапоткина можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для революціонера. Мы не будемъ касаться этой ея части, ибо наблюдая за событіями послѣднихъ лѣтъ, каждый можетъ самъ видѣть воочію и на дѣлѣ всѣ революціонные пріемы, проповѣдуемые Крапоткинымъ. Въ его программу входитъ все, начиная отъ уличныхъ манифестацій, кончая бросаніемъ бомбъ.

Самое осуществленіе соціальной революціи, обновленіе человѣчества анархистами, должно произойти быстро, въ теченіе нѣсколькихъ дней. „Стоитъ намъ захотѣть, и мы въ одинъ мигъ завоюемъ счастье всего человѣчества“, восклицаетъ Крапоткинъ.

Средство для достиженія общечеловѣческаго счастья, рекомендуемое соціалъ-анархистами—это всемірная ужасающая бойня. Ихъ рѣчи и писанія дышатъ кровью.

„Наступитъ всеобщая революція, которая вызоветъ потоки крови во всѣхъ странахъ Европы“. „Въ день революціи рабочимъ придется перенести много испытаній, пролить много крови, прежде чѣмъ они поймутъ, кто ихъ друзья и кто ихъ враги“.

Такимъ образомъ проповѣдуя свою кровавую всемірную бойню, соціалъ-анархисты не знаютъ еще кого они станутъ избивать! Но несмотря на это, вожаки соціалъ-анархистовъ признаютъ, что время этой бойни приспѣло и надѣются осуществить ее въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Излагая ученіе соціалъ-анархистовъ, мы воздержались отъ оцѣнки его, предоставляя читателю самому

вынести безпристрастное сужденіе о немъ. Какъ философское, это ученіе по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ разряду утопій. Утопическими ученіями называются ученія, построенныя не на основаніи дѣйствительности, не считающіяся ни съ природою, ни съ возможностью ихъ осуществленія, а составляющія лишь плодъ неосуществимыхъ мечтаній, принимаемыхъ за дѣйствительность, закрывающія глаза на все, что можетъ служить помѣхою ихъ осуществленія.

Ни племенная, ни расовая рознь, ни разность вѣрованій, ни различныя степени образованности и культуры, ни дурныя свойства человѣческой натуры, не приняты соціалъ-анархистами въ разсчетъ. Въ своемъ воображеніи они все это уничтожили и считаютъ уже несуществующимъ.

Или, какъ можно, напримѣръ, думать, что счастье человѣчества можетъ быть пріобрѣтено потоками крови, когда врядъ ли не всякому извѣстна истина, что зло можетъ породить только зло. Или убійство уже не есть зло?

Или, какимъ образомъ милліоны самостоятельныхъ коммунъ разберутся въ своихъ многосложныхъ отношеніяхъ, когда не будетъ существовать никакого учрежденія, которое было бы хотя бы только посредникомъ между ними?

Какой залогъ могутъ представить ан.-соц. того, что отдѣльныя коммуны не будутъ вступать между собою въ ожесточенную борьбу изъ-за всякаго пустяка и не кончатъ тѣмъ, что перерѣжутся между собой?

Какое можно имѣть основаніе предположить, что люди, заглушивъ въ себѣ всѣ законы Божескіе, уничтоживъ всѣ законы человѣческіе, станутъ работать на общую пользу, заботясь только о благѣ общества, а не наоборотъ, не доведутъ до звѣрскаго ожесточенія свирѣпую борьбу за личное существованіе и что „братъ не возстанетъ на брата?“

Или, наконецъ, предположивъ даже возможность осуществленія соціалъ-анарх. теоріи въ Европѣ, чѣмъ предполагается защитить эти милліоны разрозненныхъ, разъединенныхъ коммунъ, отъ нашествія какихъ-нибудь низшихъ завоевательныхъ расъ, напримѣръ, китайцевъ или японцевъ, которые не остановятся передъ тѣмъ, чтобы

превратить всѣхъ коммунаровъ въ своихъ жалкихъ рабовъ?

Впрочемъ мы подробнѣе отмѣтимъ слабыя мѣста соц.-анарх. ученія въ слѣдующей главѣ, въ которой попытаемся изложить другое ученіе, которое хотя и имѣетъ ту же цѣль, какъ и вышеизложенное, т. е. улучшеніе условій жизни, которое во многомъ согласно въ причинахъ особенной тягости нашей жизни съ ученіемъ соціалъ-анархистовъ, но совершенно ему противоположно, какъ по своему міровоззрѣнію, такъ и по средствамъ, коими оно надѣется облегчить участь страждующаго человѣчества.

Черносотенцы.

Послѣ обнародованія манифеста 17-го октября, въ которомъ были объявлены свобода собраній, союзовъ, печати, измѣнены законы о выборахъ, а также и основные законы, революціонные анархо-соціалистическіе союзы и заговоры первые воспользовались дарованными свободами и открыто подняли возстаніе и бунты во всей странѣ. Это революціонное движеніе согласно ученію анархо и соц.-рев. открыто выступило противъ Царя, противъ Россійскаго Государства, противъ Православной Церкви и противъ собственниковъ. Задолго до открытаго возстанія хорошо съорганизовавшіяся тайныя революціонныя партіи, послѣ объявленія вышеупомянутыхъ свободъ, первыя ими воспользовались и повергли страну въ состояніе анархіи и произвола, остановивъ всю народную жизнь забастовками, грабежами, убійствами и пожарами. Въ эти тяжелыя минуты въ различныхъ мѣстахъ Государства части населенія, не сочувствующія революціоннымъ дѣйствіямъ, наскоро объединились, безъ всякаго уговора и плана, чтобы дать отпоръ революціи и этимъ остановили дальнѣйшій ростъ революціоннаго движенія. Тогда, какъ революціонеры приняли своимъ символомъ красное знамя съ надписями „долой Царя“, „да здравствуетъ республика“ или „анархія“, не сочувствующее имъ населеніе выступило съ Св. Крестомъ, портретами Государя Императора и русскимъ національнымъ флагомъ. Впослѣдствіе кружки

русскихъ людей, пользуясь дарованной свободой союзовъ, стали уже объединяться на законномъ основаніи, образуя союзы, партіи, содружества, громады, братства и пр.

Послѣ того, какъ всѣ эти союзы и общества, зародившись самостоятельно и почти одновременно во множествѣ мѣстностей нашего обширнаго отечества, выработали свои уставы, программы, оказалось, что общимъ ихъ всѣхъ связующимъ звеномъ явился символъ „За Вѣру, Царя и Отечество“ или „Православіе, Самодержавіе и Народность“. Эти отдѣльныя партіи, союзы и пр. стали искать между собой сближенія, устраивать съѣзды представителей, и вообще стали развивать и упорядочивать свою дѣятельность. Въ газетахъ не революціоннаго направленія ихъ стали называть „Монархическими организаціями„, а въ газетахъ, болѣе сочувствующихъ революціи, ихъ назвали „черными сотнями“, „черносотенцами“, „черносотенными организаціями“. Что политическимъ партіямъ, послѣдователямъ разныхъ ученій и тому подобнымъ народнымъ обществамъ часто присваивается названіе, даваемое имъ противниками, явленіе весьма обычное въ исторіи. Такъ вѣроятно и всѣ русскіе люди объединенные преданностью Православной Вѣрѣ, Царю Самодержавному и Родинѣ, перейдутъ въ исторію подъ названіемъ „черносотенцевъ“ и хотя это прозвище дано черносотенцамъ, какъ презрительное, однако, оно имѣетъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ первыми поднявшими знамя „За Вѣру, Царя и Отечество“ были большею частью русскіе люди простого званія, крестьяне, мѣщане, а простой народъ въ прежнія времена назывался „чернью“, „черными людьми“. Лишь весьма немногіе изъ интеллигентнаго класса, т. е. людей съ книжнымъ образованіемъ, примкнули къ этому движенію. Почему большая часть русской интеллигенціи въ трудную минуту русской жизни или безмолвствовала, или оказалась болѣе на сторонѣ революціонеровъ, мы укажемъ ниже.

Черносотенники ставятъ краеугольнымъ камнемъ всей человѣческой жизни Вѣру Христову. Они исповѣдуютъ, что единственный путь къ достиженію мирной и счастливой жизни указанъ людямъ Христомъ Спасителемъ. Путь этотъ въ основѣ своей имѣетъ духов-

ное и нравственнное совершенствованіе человѣка по главной заповѣди Христовой „возлюби ближняго какъ самого себя“. Только проникнувшись Вѣрою въ Бога, возлюбя Его и исповѣдуя ученіе Христово, человѣкъ можетъ совершенствоваться, побѣждать окружающее его зло и уготовить себѣ вѣчное спасеніе. Только духовное и нравственное совершенствованіе каждаго человѣка можетъ улучшить условія общественной жизни и уготовить въ земной жизни торжество Правды и Любви. Лишенные вѣры въ Бога и свѣта христіанскаго ученія, люди отдаются злу и попадаютъ подъ власть плотскихъ страстей, приближаются къ природѣ т. е. къ звѣрскому состоянію. Въ послѣднемъ положеніи и заключается основное противуположеніе вѣрованія черносотенцевъ и ученія анархистовъ, полагающихъ, какъ мы уже указали выше, что люди станутъ лучше, если вернутся къ природѣ, къ первобытному состоянію, забывъ вѣру въ Бога и Божественное ученіе Господа нашего Іисуса Христа.

Черносотенцы считаютъ, что не путемъ насильственнаго разрушенія всего окружающаго, а лишь проведеніемъ въ жизнь великихъ началъ христіанства можетъ быть улучшена наша жизнь; что какой бы ни былъ образъ правленія, какъ бы люди не слагали своей жизни, въ Государствахъ ли, въ общинахъ ли, но если они будутъ злы, то никакіе законы, никакія новыя условія жизни не уменьшатъ количества зла, несправедливости и неправды.

Черносотенцы исповѣдуютъ, что Православная Церковь, хранительница Божественнаго откровенія, сохранившая преемственно благодать Св. Духа, низшедшаго на Апостоловъ, есть основа русской народной жизни и Россійскаго Государства. Отъ православной церкви русскій народъ получилъ свѣтъ просвѣщенія, на которомъ воспиталась въ теченіе вѣковъ душа народная. Около Православной Церкви сложилось и Государство Россійское; Православная Церковь въ тяжелыя минуты политической жизни спасла Россію, и благодаря Ей русскій народъ сохранилъ свою политическую свободу. Благодаря Ей разрозненныя славянскія племена, изъ которыхъ сложилось Русское Государство, не впали въ состояніе рабства у другихъ народовъ, какъ это слу-

чилось съ ихъ многочисленными собратіями, населявшими большую часть Европы, и части средней и малой Азіи, о которыхъ даже почти исчезла память въ исторіи народовъ.

Черносотенцы считаютъ, что какъ Православная Церковь дала русскому народу политическую свободу, то точно такъ же она должна быть краеугольнымъ камнемъ и его гражданской свободы, основаніемъ устройства его гражданской жизни. Основою ея должна стать христіанская община на началахъ братской любви и милосердія, взаимопомощи и христіанскаго просвѣщенія. Только на этихъ началахъ сложившаяся жизнь можетъ улучшить положеніе голодныхъ и угнетенныхъ и держать въ должномъ равновѣсіи распредѣленіе пользованія земными благами.

Хотя по существу своему Церковь имѣетъ своею областью царство духа, но какъ духъ въ мірѣ семъ заключенъ въ тѣлесную оболочку, то и Церковь въ совокупности своей имѣетъ такую оболочку, которую необходимо ограждать и защищать отъ враждебныхъ на нее посягательствъ. Потому черносотенцы считаютъ, что положеніе защитника своей церкви есть священнѣйшій и славнѣйшій долгъ каждаго изъ вѣрныхъ сыновъ ея, и потому этотъ долгъ долженъ лежать на всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Въ силу этого Православная Церковь стараго и новаго обряда должна быть господствующей.

Самодержавіе Царское, ничѣмъ земнымъ не ограниченное, превыше всѣхъ властей земныхъ передъ Богомъ поставленное, составляетъ вторую основу ученія черносотенцевъ. Это положеніе заключаетъ въ себѣ все понятіе о формѣ правленія и всей государственной жизни Россіи.

Самодержавіе Царское установлено самимъ русскимъ народомъ; Царская власть не происходитъ отъ завоеванія, чѣмъ отличается отъ власти абсолютныхъ монарховъ и восточныхъ деспотовъ, а вручена Царю русскимъ народомъ, почему она и не представляетъ изъ себя господства, а занимаетъ относительно народа служебное положеніе. Власть Царя ограничена тѣмъ, что

Царь долженъ быть Православнымъ, и потому всѣ проявленія Царской Власти должны быть согласными съ ученіемъ Православной Церкви; Церковь вѣнчаетъ Его на Царство, и изъ ея рукъ онъ получаетъ и возлагаетъ на Себя тяжелое бремя власти, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ на Себя тяжелое обязательство передъ народомъ. Этимъ актомъ человѣческіе законы подчиняются Божескимъ, и отсюда происходитъ неограниченность Царской Власти; но въ то же время Царь обязуется прежде всего быть вѣрнымъ чадомъ Православной Церкви, быть ея ревнителемъ и заступникомъ и управлять народомъ, руководствуясь лишь своею совѣстью христіанина, быть радѣтелемъ, заступникомъ и печальникомъ русскаго народа.

Во взглядахъ на власть черносотенники совершенно расходятся съ соціалъ-анархистами. Въ то время какъ послѣдніе признаютъ во власти только начало господства, черносотенцы видятъ въ ней главнымъ образомъ служебное народу начало, великую созидательную народную силу, олицетворяющую и осуществляющую народныя стремленія. Доказанная неспособность что либо создать, а склонность лишь къ разрушительной дѣятельности революціонеровъ объясняется черносотенцами ихъ ложнымъ взглядомъ на власть.

Положеніе о Самодержавіи вызываетъ наибольшее количество нападокъ и служитъ главнымъ источникомъ клеветы на черносотенцевъ. Говорятъ, что по ихъ понятіямъ, народъ не долженъ имѣть никакого участія и голоса въ дѣлѣ управленія страной, что они враги всякой свободы, всякаго прогресса, т. е. дальнѣйшаго развитія русской жизни и наконецъ, что они защищаютъ „старый режимъ“ т. е. произволъ чиновничьяго управленія.

Изслѣдуя ученіе черносотенниковъ, мы однако должны признать полную неосновательность подобныхъ обвиненій. Такъ, говоря о Самодержавіи, черносотенцы считаютъ, что осуществленіе Самодержавія возможно лишь на основаніи единенія Царя съ народомъ. Только при этомъ положеніи возможно осуществленіе на дѣлѣ всей полноты Царской власти, какъ законодательной, такъ и исполнительной.

Это единеніе должно заключаться въ томъ, чтобы русскій народъ, во всей своей полнотѣ, имѣлъ бы возможность свободно обсуждать свои нужды, изыскивать средства для ихъ облегченія и тѣмъ помогать Царю въ Его трудномъ дѣлѣ управленія страной.

Какъ должно быть осуществлено единеніе Царя съ народомъ, мы укажемъ, когда будемъ говорить о народности. Но полнота Царской, особенно законодательной, власти должна быть неприкосновенной, ибо только при этомъ условіи возможно охранить эту власть отъ захвата какою-нибудь шайкой ловкихъ политиковъ, или одною частью населенія, напримѣръ капиталистами. Несомнѣнно, что при такомъ захватѣ законодательной власти законы будутъ издаваться только къ выгодѣ захватившей власть партіи, и въ ущербъ остальному населенію страны.

Начало неограниченнаго Самодержавія отдѣляетъ черносотенниковъ не только отъ революціонеровъ-анархистовъ, но и отъ такъ называемыхъ конституціоналистовъ. Ученіе конституціоналистовъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ограничить Самодержавіе Царское и лишить Царя права издавать законы, а также и лишить его права назначать и смѣнять министровъ и прочихъ представителей исполнительной власти. Если нѣкоторые изъ конституціоналистовъ и допускаютъ назначеніе Царемъ министровъ, то, однако, не иначе какъ изъ лицъ партіи, имѣющей большинство въ представительномъ собраніи. Ученіе конституціоналистовъ имѣетъ своимъ основаніемъ „парламентаризмъ“. Сущность парламентаризма заключается въ томъ, чтобы законодательная власть, а также и часть исполнительной находились въ рукахъ у партіи, имѣющей наибольшее число голосовъ въ собраніи, состоящемъ изъ выборныхъ отъ населенія.

Въ государствахъ западной Европы такія собранія называются парламентомъ (по-русски это слово можно перевести „говореніе“). Поклонники парламентаризма считаютъ, что выборные отъ населенія представляютъ собою волю и голосъ всего народа; этой волѣ и должна принадлежать главная власть въ государствѣ. Въ Европѣ почти всѣ государства управляются на началахъ парламентаризма и въ разныхъ странахъ примѣнены всевозможные способы выборовъ представителей парла-

мента. Жизненный опытъ показалъ, что парламенты нигдѣ не выражаютъ не только мнѣнія всего народа, но даже и большинства его. На дѣлѣ оказалось, что власть при парламентаризмѣ находится въ рукахъ или какой-нибудь болѣе ловкой политической партіи, съумѣвшей провести своихъ членовъ въ парламентъ, пользуясь большею частью разными неблаговидными пріемами въ выборной борьбѣ, или, что наблюдается гораздо чаще, власть переходитъ въ руки партіи, состоящей изъ лицъ наиболѣе богатыхъ, большею частью банкировъ, и рѣже въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ; ихъ обыкновенно поддерживаютъ и чиновники, у которыхъ часто главная забота—получать побольше жалованья и пристраивать на теплыя мѣста своихъ родственниковъ, замѣняетъ политическія убѣжденія; и то и другое они получаютъ какъ плату за поддержку богачей на выборахъ.

Впрочемъ, почему выборы даютъ именно такіе неблагопріятные результаты при парламентаризмѣ, достаточно ясно и убѣдительно, какъ мы уже видѣли, изображено Кропоткинымъ, близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Черносотенцы, не говоря уже о томъ, что они являются явными противниками ученій анархистовъ-соціалистовъ, не согласны и съ ученіемъ конституціоналистовъ. Они считаютъ, что учрежденіе въ Россіи парламентаризма, связаннаго съ ограниченіемъ Царской власти, отдало бы весь русскій народъ въ руки богачей-капиталистовъ и полагаютъ, что именно парламентаризмъ, создающій господство капитала, и создалъ обостреніе между капиталомъ и пролетаріатомъ, наблюдаемое въ Западной Европѣ. Признавая, однако, что безъ капитала невозможны ни промышленность, ни торговля, ни вообще какое-либо хозяйство, черносотенники считаютъ, что необходимо, чтобы капиталъ занималъ служебное относительно народа и государства положеніе, но не являлся бы исключительной довлѣющей въ государствѣ силой. Признавая полную несостоятельность борьбы съ капиталомъ проповѣдуемой анархистами-соціалистами, стремящимися уничтожить всякую собственность и власть, черносотенцы признаютъ, что исключительное господство капитала есть великое зло и считаютъ, что только неограниченная Царская власть способна охранить народъ отъ чрезмѣрнаго гнета капиталистовъ и олицетво-

рить собою высшую власть, основанную на христіанскихъ началахъ справедливости, честности и милосердія. Только такая власть можетъ быть неподкупной, только Самодержавная власть можетъ быть независимой отъ какой-нибудь партіи, только ей одной по самой ея природѣ, можетъ быть свойственно безпристрастное и справедливое отношеніе ко всѣмъ слоямъ населенія.

Еще менѣе справедливо предположеніе, что черносотенники защищаютъ «старый режимъ», подразумѣвая подъ „старымъ режимомъ“ чиновничій и бюрократическій произволъ.

Во всѣхъ писаніяхъ черносотенниковъ, въ ихъ газетахъ, въ ихъ книгахъ и брошюрахъ мы встрѣчаемъ постоянное рѣзкое и строгое осужденіе высшаго чиновничьяго міра, доведшаго своими дѣйствіями Россію до такого печальнаго положенія, въ которомъ она находится теперь. Всюду ясно высказывается, что высшее чиновничество, или такъ называемая бюрократія, явилась средостѣніемъ между Царемъ и народомъ; что она главная виновница того, что политика правительства пошла совершенно въ разрѣзъ съ нуждами и стремленіями русскаго народа, котораго она не знаетъ, отъ котораго она отдалена; что высшіе бюрократическіе круги, состоя изъ большого количества инородцевъ, или людей воспитанныхъ на иностранныхъ началахъ, потерявшихъ всякую связь съ русской исторической жизнью, стали руководствоваться этими иностранными началами и проводить ихъ въ русскую жизнь. Поэтому многія мѣропріятія бюрократическаго правительства не воспринимались русскимъ народомъ, по природѣ своей самобытнымъ, не приносили никакой пользы, а лишь задерживали естественное развитіе народа и разрушали нравственные и матеріальные народные устои.

Въ низкомъ уровнѣ просвѣщенія русскаго народа черносотенники обвиняютъ старый режимъ, дававшій въ школахъ образованіе, основанное на чуждыхъ русскому народу началахъ, вслѣдствіе чего народъ не полюбилъ просвѣщенія, чувствуя, что оно идетъ ему не на пользу, а во вредъ.

Не изъ нашихъ ли школъ, высшихъ и низшихъ,

пошло невѣріе въ Бога, не онѣ ли способствовали оскудѣнію любви къ родинѣ, не онѣ ли способствовали распаденію крѣпкой русской семьи, восклицаютъ черносотенники!

Не школы ли наши виновны въ томъ, что въ минуту великихъ народныхъ бѣдствій большая часть русской интеллигенціи, т. е. бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ нашей школы, оказались не на высотѣ своего призванія; въ ней не оказалось ни любви къ Родинѣ, она очутилась оторванной отъ русскаго народа, и часть ея даже покрыла себя несмываемымъ позоромъ, ставъ въ ряды враговъ русской народности и Россіи!

Эту же бюрократію обвиняютъ они и въ обѣднѣніи русскаго народа, указывая, что въ то время, какъ на наши инородческія окраины тратили деньги, проводили по нимъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, предоставляли имъ всякія привилегіи и льготы, создавали промышленность и поддерживали ее кредитами, для русскаго коренного населенія, на которомъ лежало, однако, главное бремя налоговъ, дѣлалось весьма мало и о нуждахъ его весьма мало заботились. Странные защитники и поклонники стараго режима эти черносотенцы!

Изъ всего вышесказаннаго ясно обозначается, что упрекъ дѣлаемый черносотенцамъ въ томъ, что они враги всякаго прогресса, т. е. развитія народной жизни и совершенствованія ея формъ, не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Наоборотъ, черносотенники желаютъ полнаго переустройства русской жизни, осуждаютъ всю правительственную политику, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю всего послѣдняго времени и желаютъ самыхъ коренныхъ реформъ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены въ духѣ русскаго народа, согласно съ его исторіей, чтобы реформы явились естественнымъ развитіемъ всего уже созданнаго русскимъ народомъ, а не являлись бы насильственнымъ навязываніемъ чуждыхъ русскому народу ученій и учрежденій. Такія реформы не улучшатъ русской жизни, а лишь окончательно ее разрушатъ, доведутъ до полнаго

истощенія Русскій народъ и сдѣлаютъ его легкой добычей его враговъ.

Черносотенцы желаютъ свободнаго развитія русскихъ національныхъ началъ и видятъ въ попыткахъ навязять русскому народу чуждыя ему формы политическаго строя въ видѣ конституціонной монархіи, послѣднія потуги издыхающаго стараго бюрократическаго режима, чтобы окончательно изуродовать русскую жизнь.

Народности русской подобаетъ господствующее положеніе въ Россіи, на русскихъ народныхъ началахъ должно быть основано устройство русской государственной и гражданской жизни, говорятъ черносотенники. Это положеніе обосновывается ими доводами, вытекающими изъ изслѣдованія прежней исторической жизни Россіи; приведемъ главные изъ нихъ: Русскій народъ принадлежитъ къ многочисленнѣйшему племени арійской расы — славянамъ. Племя это въ древности занимало большую часть Европы, (до Рейна) балканскій полуостровъ, южную и среднюю Россію и даже есть указанія, что славяне жили въ Средней и Малой Азіи. Славяне жили мелкими, ничѣмъ не связанными между собою, племенами, и лишь весьма поздно стали слагаться въ небольшія государства. Земледѣліе было ихъ главнымъ занятіемъ; воинственностью они не отличались; въ силу этого гражданственность у славянъ развилась гораздо ранѣе, чѣмъ у окружавшихъ ихъ народовъ; но именно вслѣдствіе указанныхъ свойствъ славянъ, они легко дѣлались добычею всевозможныхъ завоевателей; такъ, на западѣ они были покорены германцами (нѣмцами) и римлянами, а на югѣ турками и монголами; о множествѣ славянскихъ государствъ исчезла даже и память и только названія мѣстностей, рѣкъ, горъ — указываютъ, что здѣсь нѣкогда жили славяне. Ко времени образованія Россійскаго Государства на славянъ надвигались двѣ тучи: съ запада наступали германцы, съ юга и востока валили татары и монголы; и тѣ и другіе разоряли страну, уводили жителей въ рабство, и казалось, что пришелъ конецъ Русскому народу и славянству. Разрозненныя княжества съ ихъ князьями не въ силахъ были противустоять надвигаю-

щимся тучамъ. Русскій народъ стоналъ подъ игомъ татаръ и изъ послѣднихъ силъ отбивался отъ наступающихъ германцевъ. Отдѣльные князья проявляли чудеса храбрости, геройства и самопожертвованія. Сотни и тысячи погибали, защищая свои святыни, умирая за Вѣру и Отечество. Въ это то время и зачалось Русское Государство; впервые появилось сознаніе, что всѣ отдѣльныя княжества и славянскія племена составляютъ одно цѣлое и началось ихъ объединеніе; около Москвы подъ защитой мудрыхъ князей московскихъ стала слагаться Россія. Объединеніе это, начавшись съ благословенія святителя московскаго Петра, произошло главнымъ образомъ на лонѣ Православной церкви. У всѣхъ явилась общая связь, общая Святыня. Русскіе люди собирались около церквей, по приходамъ, и тамъ подъ руководствомъ святителей, насадителей христіанскаго просвѣщенія, зародились основы русской государственной жизни.

Поэтому черносотенцы и считаютъ, что православная Церковь, не только дала Духовное и нравственное просвѣщеніе русскому народу, но явилась и главною основою всей его гражданской и государственной жизни. Безъ православной церкви не сложился бы Русскій народъ въ одно могучее цѣлое, онъ бы безслѣдно погибъ, подобно тому, какъ исчезли многія народности, поглощенныя другими, болѣе сильными. Образованіе Россійскаго Государства имѣло значеніе не только для русскаго народа, но и для всего Славянства; Россія явилась для него оплотомъ и остановила порабощеніе Славянъ другими народностями.

Изъ сказаннаго ясно, что ученіе черносотенниковъ имѣетъ основаніемъ націонализмъ, и потому они исповѣдуютъ, что долгъ каждаго русскаго заключается въ беззавѣтной преданности своей родинѣ и народу и безкорыстномъ служеніи имъ.

Это положеніе совершенно противуположно ученіямъ космополитическимъ, утверждающимъ, что отдѣльныя народности не должны существовать, что понятіе это должно быть уничтожено, и что всѣ люди должны представлять какъ-бы одинъ народъ—человѣчество. Черносотенцы считаютъ такое ученіе утопіей, утверждая, что дѣленіе человѣчества на народности лежитъ въ природѣ

вещей; что какъ въ основѣ, вообще всего человѣчества лежитъ отдѣльная семья, семейное начало, такъ это начало обособляетъ и каждый народъ въ великой семьѣ всего человѣчества.

Очевидно признавая, что начало народности происходитъ отъ природнаго семейнаго начала, всѣ космополитическія ученія проповѣдуютъ его уничтоженіе, и тѣмъ самымъ идутъ противъ естественныхъ законовъ, ибо какое ученіе можетъ уничтожить и вырвать изъ сердца матери любовь къ своему ребенку, какое ученіе заставитъ отца не заботиться о своемъ сынѣ?

Великая семья, составляющая народъ, живетъ одной общей духовной жизнью, и совершенствуясь на основаніи своихъ народныхъ идеаловъ, вноситъ свой вкладъ въ общее развитіе и совершенствованіе всего человѣчества; безъ развитія національностей человѣчество не могло бы совершенствоваться.

Черносотенцы вѣруютъ, что Русскому народу, развивающемуся на лонѣ Русскаго Государства, предстоитъ осуществить начала, заложенныя во всей славянской расѣ, ибо только русскій народъ изъ всѣхъ славянъ сохранилъ свою политическую свободу, далъ наиболѣе сильныхъ и самостоятельныхъ мыслителей, наиболѣе сохранилъ самобытность. Поэтому черносотенники и полагаютъ, что все дальнѣйшее развитіе гражданской и политической жизни можетъ быть основано лишь на тѣхъ началахъ, на которыхъ сложилась русская самобытная жизнь и Русское государство, и считаютъ, что всякія реформы, противорѣчащія русскимъ началамъ не приносили и не принесутъ никакой пользы русскому народу, а наоборотъ поведутъ его къ гибели.

Такъ, напримѣръ, крѣпостное право, образовавшееся на основаніи служебности государству и народу, могло бы развиться въ особую форму гражданской жизни, благодѣтельную для всего народа, но послѣ того, какъ въ отношенія крестьянина и помѣщика было введено иностранное, феодальное начало, крѣпостное право выродилось въ чудовищную, совершенно несвойственную русскому народу форму, породило массу зла и въ концѣ-концовъ своими послѣдствіями разорило и крестьянъ, и помѣщиковъ, и все государство.

Точно также смотрятъ черносотенники и на попытку

ввести въ Россіи конституціоный образъ правленія, связанный съ ограниченіемъ царской власти и передачей части ея парламенту. Они считаютъ парламентаризмъ совершенно не согласнымъ съ русской жизнью, не имѣющимъ никакихъ корней въ прошломъ русскаго народа и отъ введенія парламентаризма въ Россіи предвидятъ порабощеніе народа и разрушеніе государства.

Осуждая такъ называемый „старый режимъ“, не соглашаясь съ конституціоналистами и съ соціалистами и революціонерами, стоя совершенно особнякомъ отъ всѣхъ этихъ партій и ученій, чего же домогаются черносотенники, какое исповѣдуютъ они ученіе, какая же ихъ политическая программа?

Всѣ, кромѣ черносотеннаго, вышепоименованныя ученія имѣютъ въ западной Европѣ вполнѣ выработанныя формулы, разработанныя и въ теоріи и въ практикѣ; поэтому нашимъ революціонерамъ и конституціоналистамъ не приходится ничего создавать, ничего изучать, и къ ихъ услугамъ громадная иностранная литература, которую имъ достаточно только перевести на русскій языкъ. Въ нашей народной жизни они не болѣе какъ переводчики, самостоятельное же творчество у нихъ отсутствуетъ. Переводчику не нужно ни таланта, ни ума, ни творчества, а лишь необходимо знаніе иностранныхъ языковъ.

Черносотенники находятся въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи. Имъ приходится создавать, искать иныхъ формъ народной жизни, которыя бы, наконецъ, дали русскому народу возможность жить, развиваться и совершенствоваться согласно его духу, характеру и потребностямъ; ибо только при такихъ условіяхъ возможна правильная народная жизнь, только при такихъ условіяхъ народъ можетъ достигнуть лучшихъ условій жизни и сохранить эту жизнь. Только тѣмъ, что русскій народъ постоянно втискивался въ чуждыя его характеру условія жизни и можно объяснить оскудѣніе и упадокъ этого могучаго, сильнаго представителя человѣчества. Никакое рѣзкое, внезапное измѣненіе естественной исторической жизни народа никогда еще не приносило никакой пользы. Теченіе народной жизни можетъ

быть остановлено плотиной, можетъ быть отведено въ искусственное русло, но жизнь всегда будетъ стремиться къ своему естественному руслу и рано или поздно должна вернуться къ нему.

Наблюденіе надъ естественнымъ теченіемъ русской жизни твердо опредѣлило три начала, составляющія его основы. Это Православіе, Самодержавіе, Народность. Поэтому внѣ этихъ началъ невозможно найти формъ русской жизни. Соединеніе этихъ трехъ началъ въ одно цѣлое создало Россію, выдѣливъ изъ общей массы группу славянскихъ племенъ, спасло ихъ отъ гибели, подобно ихъ многочисленнымъ братьямъ.

Всякое отклоненіе отъ этихъ началъ вызываетъ болѣзненныя явленія въ русской жизни. Такъ, бюрократія давила русскую народность, не понимала ея, была ей чуждой—и результатъ на лицо. Конституція грозитъ нарушить, исказить Самодержавіе и еще болѣе сдавить русское народное начало; послѣдствія ея будутъ еще горше и можетъ быть ужасны. Черносотенцы стараются найти такую форму государственной жизни, въ которой бы неприкосновеннымъ было самодержавіе и русскій народъ получилъ бы возможность свободнаго и самобытнаго развитія.

Пока народъ развивается самобытно, онъ силенъ, сытъ и доволенъ. При самобытномъ развитіи формы жизни слагаются, примѣняясь къ ея потребностямъ; онѣ создаются сами собой, какъ неизбѣжное послѣдствіе необходимости, проникшей въ народное сознаніе. Такъ создалось Русское Государство, такъ создалась Самодержавная Царская Власть, такъ воспринялъ русскій народъ Православную Вѣру. Въ противность самобытному національному развитію существуетъ представленіе о возможности развитія теоретическаго, когда тѣ или другія формы жизни создаются по измышленію воображающихъ себя великими мудрецами, и насильно навязываются народу. Эти мудрецы считаютъ себя великими благодѣтелями человѣческаго рода и мечтаютъ уложить всѣ народы въ сочиненныя ими условія жизни. Но попытки эти давали доселѣ лишь весьма печаль-

ные результаты. Всѣ народы, которые теряли свою самобытную жизнь обезсиливались и погибали...

Пока русскій народъ былъ самобытенъ онъ былъ силенъ, онъ создалъ себѣ жизнь, онъ пріобрѣлъ себѣ самостоятельность, несмотря на невообразимо тяжелыя условія существованія.

Увы! не надъ однимъ народомъ не производилось столько опытовъ насажденія теоретическаго развитія, какъ надъ русскимъ! Только живучесть разъ созданныхъ имъ себѣ формъ жизни дала ему силу перенести всѣ эти эксперименты, и сбрасывать все наносное и чуждое.

То хотѣли сдѣлать изъ русскихъ нѣмцевъ, или шведовъ. То пробовали сдѣлать изъ русскихъ дворянъ польскихъ шляхтичей, то французскихъ жантильомовъ, то нѣмецкихъ феодаловъ-бароновъ или прусскихъ фельдфебелей, англійскихъ ляндъ-лордовъ, то пробовали засадить русскихъ крестьянъ въ казармы военныхъ поселеній или въ фаланстеріи фурьеристовъ, въ коммуны... (Бланкистовъ); теперь хотятъ насъ обратить въ французскихъ ситуаеновъ (гражданъ), вотирующихъ въ избирательныхъ куріяхъ на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія, или превратить русскихъ людей въ „товарищей“, марксистовъ.

Русская народная самобытность въ концѣ концовъ не выдержала! она мало по малу стала глохнуть, чахнуть и народная жизнь, будучи не въ состояніи воспринять всѣ обрушивающіяся на нее благодѣянія, стала замирать... вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ бѣднѣть, голодать и чахнуть русскій народъ. Нѣкогда сильный и могучій, построившій себѣ крѣпкій на незыблемомъ казалось, фундаментѣ домъ, онъ уже въ немъ не хозяинъ, и только жалобно проситъ, чтобы за нимъ хоть сохранили мѣсто старшаго брата!

Но и это тщетно. Это несогласно съ благодѣтельной теоріей всеобщаго, равнаго, тайнаго голосованія...

Въ послѣднія времена, когда русскій народъ сталъ оскудѣвать, на него ополчились всѣ враги его и внѣшніе и внутренніе. Вмѣстѣ съ оскудѣніемъ экономическимъ стало замѣчаться и оскудѣніе духовное—ослабѣла любовь къ родинѣ, затемнился разумъ и настала смута великая; народъ сталъ самъ разрушать свой домъ, жечь

свое добро! Загорѣлась Россія! говорятъ черносотенцы.

Послѣ того какъ разрушался весь самобытный укладъ русской жизни, дошло дѣло и до попытокъ разрушенія основъ послѣднихъ остатковъ русскаго самобытнаго созданія—Православія, Самодержавія, и всего русскаго народа. И вотъ, когда съ разрушеніемъ этихъ основъ долженъ окончательно умереть русскій народъ—явились люди, не потерявшіе еще народнаго самосознанія, патріоты, и рѣшили защищать свои святыни. Этихъ людей и называютъ черносотенниками.

Они стали объединяться въ разные союзы, партіи, громады и пр. Эти организаціи начинаютъ принимать съ каждымъ днемъ все большіе и большіе размѣры и, какъ мы уже сказали, стремятся вернуть русскую жизнь на путь самобытности. Они признаютъ, что этой жизни приходится создаться почти вновь, что старая самобытность почти разрушена; поэтому они прежде всего стремятся сохранить то, что отъ нея осталось и лишь намѣчаютъ тѣ первые шаги, съ которыхъ она должна начаться. Они не выступаютъ съ точно размѣреннымъ планомъ своихъ будущихъ дѣйствій, съ подробной программой всѣхъ предполагаемыхъ ими реформъ, полагая, что народная жизнь не можетъ сложиться ни на основаніи политическихъ программъ партій, ни на основаніи министерскихъ циркуляровъ. Относительно формы правленія черносотенцы считаютъ Самодержавіе Русскихъ Царей самобытнымъ созданіемъ русскаго народа; Самодержавіе Царское, облеченное полнотою законодательной и исполнительной власти, должно быть осуществляемо въ единеніи Царя съ народомъ. Единеніе это должно быть основано на началахъ соборности, которая издревле была создана русскимъ народомъ во время его самобытности. Въ настоящее время оно можетъ быть осуществлено на тѣхъ же началахъ, либо подъ видомъ постоянной Государственной Думы, либо подъ видомъ періодически созываемыхъ земскихъ соборовъ. Составъ Государственной Думы или Соборъ долженъ быть основанъ на представительствѣ всѣхъ отдѣльныхъ органовъ народнаго организма, отдѣльныхъ группъ населенія, связанныхъ между собою общностью своихъ частныхъ нуждъ и потребностей. Составленная на этихъ основаніяхъ Государственная Дума

или Соборъ должны служить источникомъ освѣдомленія Царя и поставляемыхъ имъ слугъ о нуждахъ народа; въ ней совмѣстно съ ними должны обсуждаться всѣ законы и мѣропріятія исполнительныхъ правительственныхъ органовъ; ей должно принадлежать право надзора за дѣятельностью слугъ царскихъ и право подачи жалобъ на нихъ Царю.

Въ составъ собора или думы должны входить только представители русскаго Православнаго народа, какъ хозяина земли русской.

Инородцы, входящіе въ составъ Россіи, должны имѣть своихъ особыхъ представителей при Государственной Думѣ или Соборѣ.

Черносотенцы считаютъ, что при такомъ положеніи Государственной власти только и можетъ начаться свободное, самобытное развитіе русской жизни, огражденной отъ произвола чиновниковъ гласностью обсужденія ихъ дѣйствій, и отъ несвойственныхъ ей реформъ и законовъ—участіемъ въ обсужденіи ихъ заинтересованныхъ лицъ. Ничѣмъ неограниченное при этихъ условіяхъ Самодержавіе является залогомъ того, что власть надъ народомъ не можетъ быть захвачена одной какой либо частью населенія въ ущербъ другимъ; черносотенцы полагаютъ, что только одинъ Самодержавный Царь, превыше всѣхъ властей земныхъ поставленный, можетъ наиболѣе осуществить справедливость и чистоту власти, ограниченной лишь отвѣтственностью передъ Богомъ и сохранить единство и нераздѣльность Государства.

Только тогда можетъ идти правильно народная жизнь и процвѣтать народное хозяйство, когда населеніе не представляетъ изъ себя смѣшанной и перепутанной толпы, а собрано въ отдѣльныя части, связанныя между собой общностью своихъ интересовъ, занятій, промысловъ и прочихъ условій жизни.

Эта группировка населенія замѣчается съ самаго начала зарожденія русской государственности. Были такъ называемые люди ратные, служилые, гости торговые, люди земскіе, крестьяне пахари, которые потомъ сложились въ опредѣленныя „сословія“—бояръ, служилыхъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ. Съ иска-

женіемъ русской жизни многіе изъ этихъ сословій потеряли смыслъ своего первоначальнаго значенія, и сословное начало вмѣсто того, чтобы получить правильное и полезное развитіе, извращалось и грозитъ полнымъ уничтоженіемъ. Дворянство воспріяло слишкомъ много чуждыхъ его первоначальной жизни наслоеній и потому упало и если не очистится отъ всего чуждаго, наноснаго, то и оно потеряетъ всякое государственное значеніе. Купечество вырождается и уступаетъ мѣсто акціонерному анонимному капиталу; дольше всѣхъ жило крестьянство, какъ сословіе, но въ настоящее время и ему грозитъ опасность исчезнуть съ проваломъ всей русской самобытной жизни. Ничѣмъ не связанное между собою населеніе не можетъ разобраться въ своихъ нуждахъ, уяснить ихъ себѣ, не въ состояніи защитить своихъ интересовъ и силою вещей становится въ полную зависимость отъ департаментовъ и столоначальниковъ и прочихъ начальниковъ, которые, даже при полной добросовѣстности, ничего не могутъ сдѣлать. Въ народномъ самосознаніи однако начинаетъ просыпаться потребность въ сословной группировкѣ, что ясно обозначается въ образованіи такъ называемыхъ „профессіональныхъ союзовъ“.

Черносотенники считаютъ, что представители Государственной Думы должны быть созваны именно на началахъ сословности, т. е. чтобы каждый изъ нихъ являлся представителемъ извѣстной опредѣленной части населенія. Ибо какое же значеніе можетъ имѣть сужденіе пахаря о дѣлахъ торговыхъ, или какъ фабрикантъ можетъ судить о военнымъ дѣлѣ или рабочій о дѣлахъ церковныхъ. Но каждый ихъ нихъ хорошо можетъ уяснить себѣ нужды своего состоянія, защищать свои интересы, дать разумный совѣтъ въ дѣлѣ, которое онъ изучилъ и знаетъ. Только при такомъ обсужденіи государственныхъ дѣлъ и могутъ выясниться истинныя народныя нужды, и возможно согласованіе въ удовлетвореніи ихъ съ общенароднымъ благомъ.

При выборахъ производимыхъ отъ сплошныхъ массъ населенія, выборные люди, по мнѣнію черносотенниковъ, всегда будутъ людьми случайными, ничего общаго съ основнымъ населеніемъ не имѣющими, олицетворяющими тотъ опасный типъ „политикановъ“, для которыхъ оди-

наково чужды нужды народныя, о нихъ неосвѣдомленные, ничѣмъ не отличающіеся отъ столь печальной славы бюракратовъ и стремящіеся только къ захвату власти для осуществленія или своихъ теорій, или просто своихъ личныхъ цѣлей.

Считая сословное начало первымъ устоемъ политико-экономической жизни государства и не предрѣшая, на какихъ основаніяхъ сословія должны сложиться, черносотенники считаютъ въ то же время вопросомъ первостепенной важности возстановленіе общесословнаго церковнаго прихода.

Зарожденіе государственной и гражданской русской жизни произошло въ тѣсной связи съ Церковью, въ церковномъ приходѣ, въ которомъ сосредотачивалась вся духовная и гражданская жизнь христіанской общины. Въ тяжелыя годины русской жизни, когда подъ ударами невзгодъ разрушились всѣ прочія основы Государственности, только благодаря приходскому единенію русскій народъ сохранилъ свою гражданственность и отстоялъ свою политическую независимость. Отвѣчая несомнѣнно существующей склонности всѣхъ славянскихъ народовъ къ общинности, наиболѣе осуществляя высокій идеалъ христіанской общины, основанной на взаимной любви, всесословный церковный приходъ и въ настоящее смутное время долженъ, по мнѣнію черносотенниковъ, явиться первымъ прибѣжищемъ, колыбелью новому возрожденію русской самобытности. Въ немъ прежде всего должны соединиться всѣ русскіе православные люди для того, чтобы общими силами разобраться въ своихъ ближайшихъ нуждахъ, приняться въ единеніи съ Церковью, за дѣло просвѣщенія русскаго народа и вновь начать собираніе земли русской. Пусть приходъ явится центромъ общиннаго суда, благотворительности и вообще всѣхъ тѣхъ нуждъ, которыя могутъ быть удовлетворены на мѣстѣ и мѣстными средствами безъ чьего либо вмѣшательства.

Когда мѣстная жизнь сложится прочно и жизненно въ организованномъ приходѣ, то послѣдній послужитъ основаніемъ для развитія областной земской жизни на началахъ широкаго и разумнаго самоуправленія. При

осуществленіи этихъ общихъ предначертаній дѣятельность административной власти значительно облегчится, и ей придется только наблюдать за правильностью хода обще-государственной жизни и за исполненіемъ общегосударственныхъ законовъ.

Мы попытались изложить наивозможно кратко основныя положенія того политическаго строя, который черносотенники считаютъ единственно способнымъ дать жизнь русскому народу, возродить его, и старались объяснить, что они подразумѣваютъ въ своемъ символѣ Православіе, Самодержавіе, Народность и почему они такъ ревниво стараются уберечь чистоту Православной Церкви, неограниченность Царскаго Самодержавія и господство въ Россіи Русскаго православнаго народа. «Россія для русскихъ», говорятъ они.

Заключеніе.

Изъ всѣхъ обрушившихся на Россію бѣдствій едва ли не на первомъ мѣстѣ стоитъ внутреннее разложеніе народа, то именно бѣдствіе, объ избавленіи отъ котораго постоянно молитъ Православная Церковъ—„и избави насъ отъ междуусобной брани“. Намъ приходится видѣть, что населеніе государства раздѣлилось на враждующіе между собою лагери, изъ которыхъ одни уже дѣйствуютъ съ оружіемъ въ рукахъ, другіе же, еще не примѣняя этого способа борьбы, довольствуются пока убѣжденіемъ словомъ и партійной организаціей своихъ членовъ. Вмѣсто того, чтобы дружно и единодушно работать на пользу Родины, народныя силы растрачиваются на эту междуусобную брань, еще болѣе ослабляющую и разоряющую наше отечество.

Начавшееся годъ тому назадъ разложеніе, въ настоящее время яснѣе обозначается и опредѣляется въ три основныя группы, на которыя распадается все населеніе; это группа революціонная, группа конституціонная и черносотенная.

Отношенія этихъ трехъ главныхъ группъ другъ къ другу враждебны. Конституціоналисты стремятся ввести

въ Россіи парламентаризмъ, т. е. ограничить Царскую власть, передавъ какъ законодательную, такъ и исполнительную выборнымъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданія людямъ, чѣмъ нарушается Царское Самодержавіе, уничтожается первенство въ Россіи Русскаго народа и Православная Вѣра утрачиваетъ свое государственное значеніе, низводясь на положеніе другихъ религій, католичества, лютеранства, магометанства, еврейства, буддизма, огнепоклоненія и пр.

Конституціоналисты называютъ революціонныя партіи революціонерами слѣва, а черносотенниковъ революціонерами справа. Съ точки зрѣнія конституціоналистовъ это опредѣленіе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Какъ мы уже указали, и тѣ, и другіе считаютъ, что при конституціонномъ образѣ правленія получается исключительное господство капитала, что власть перейдетъ исключительно въ руки капиталистовъ, которые будутъ ею пользоваться только для своихъ выгодъ и для угнетенія и эксплоатаціи всего остального населенія; какъ черносотенцы, такъ и революціонеры одинаково не согласны съ такимъ положеніемъ вещей.

Но революціонеры не находятъ другого способа борьбы съ капиталомъ, кромѣ всеобщаго разрушенія, тогда какъ черносотенники указываютъ такую форму государственной жизни, при которой возможно соблюденіе равновѣсія между всѣми частями народнаго организма.

Черносотенцы особенно опасаются гибельности конституціи для русскаго народа, видя въ попыткѣ ее ввести продолженіе все той же политической системы, которая истощила русскій народъ навязываніемъ ему чуждыхъ его духу началъ и убила въ немъ свободное развитіе самобытности.

Черносотенцы особенно опасаются конституціи на томъ основаніи, что самый могущественный капиталъ принадлежитъ евреямъ и слѣдовательно введеніе конституціи равносильно передачѣ власти надъ Россіей въ руки евреевъ; они указываютъ, что капиталистическій гнетъ, наблюдаемый въ Западной Европѣ и не безъ основанія вызывающій такой протестъ въ средѣ низшихъ слоевъ населенія, опирается главнымъ образомъ на парламентаризмъ.

Разсматривая составъ конституціонныхъ партій,

черносотенцы указываютъ, что главное ядро ихъ составляютъ капиталисты, отчасти московскіе, *но главнымъ же образомъ еврейскіе;* большую поддержку эти партіи получаютъ также и отъ поощренія ихъ *высшими бюрократическими сферами*, т. е. именно тѣми представителями „стараго режима", о которыхъ мы уже упоминали.

Къ конституціоналистамъ примыкаетъ также и большая часть инородцевъ, входящихъ въ составъ Имперіи. *Такимъ образомъ составъ конституціонныхъ партій представляетъ изъ себя собраніе всѣхъ, кого можно считать враждебными русскому народу и его самобытному развитію.* Особенную опасность представляетъ изъ себя еврейскій капиталъ; будучи въ распоряженіи хорошо съ организованнаго еврейства, не имѣя отечества, онъ все болѣе и болѣе подчиняетъ своему давленію все европейское населеніе, и встрѣчая въ настоящее время лишь нѣкоторый отпоръ со стороны самодержавной Царской власти, онъ напрягаетъ всѣ свои силы для низпроверженія этой преграды. Еврейскій капиталъ велъ въ лицѣ Японіи войну съ Россіей; еврейскій капиталъ питаетъ и Русскую внутреннюю смуту. *Черносотенцы увѣрены, что революціонеры, воображающіе, что они воюютъ съ капиталомъ, въ сущности лишь орудіе еврейства, расчищающее еврейству господство надъ русскимъ народомъ.*

Конечно, это роковое недоразумѣніе рано или поздно разъяснится, когда русскій крестьянинъ и русскій рабочій очутятся въ желѣзныхъ когтяхъ анонимнаго всемогущаго международнаго капитала.

Сочувствіе конституціи наиболѣе видныхъ представителей „стараго режима", т. е. бюрократіи, черносотенцы считаютъ наглядным доказательствомъ своего обвиненія, предъявляемаго „старому режиму"; они обвиняютъ его въ отчужденности отъ русскаго народа, непониманіи его историческаго прошлаго, высокомѣрномъ отношеніи ко всему русскому, что все вмѣстѣ взятое послужило препятствіемъ къ самобытному развитію русскаго народа и было причиною его оскуденія. Однимъ словомъ «старый режимъ» перепробовалъ всѣ политическія направленія, кромѣ одного—націоналистическаго. Изобрѣтеніе же у насъ конституціи черносотенники

считаютъ послѣднимъ актомъ издыхающаго „стараго режима".

Изъ всѣхъ существующихъ нынѣ партій черносотенцы одни являются представителями русскаго народнаго начала; они одни отстаиваютъ русскую самобытность, отъ сохраненія которой зависитъ жизнь или смерть русскаго народа.

Главною ихъ силою является вѣра въ мощь русскаго народа, въ его жизне-способность, и они надѣятся, что онъ отстоитъ свою свободу отъ порабощенія международнымъ еврейскимъ капиталомъ, что онъ вернетъ себѣ положеніе хозяина въ построенномъ имъ себѣ домѣ, что онъ отстоитъ цѣлость Россіи.

Конечно свои стремленія черносотенцы не надѣются осуществить въ ближайшемъ будущемъ, слишкомъ велика ихъ задача, сводящаяся какъ бы къ вторичному собиранію Россійскаго Государства, но нѣтъ сомнѣнія, что ихъ появленіе всюду сопряжено съ пробужденіемъ отъ вѣкового сна русскаго самосознанія, русской народности. Къ этому явленію, какъ къ далекимъ раскатамъ грома, начинаютъ прислушиваться всѣ враги русскаго народа, они начинаютъ понимать, что зарождается великая сила, что «Русь идетъ».

Библиотека Института ... Москва

Цѣна 10 коп.